

Из воспоминаний

Alfried Längle, Vienna

Те, кто были знакомы с Франклом, помнят его как личность, излучавшую мудрость и человеческое обаяние. Свет этой души был очищен в неопишуемых переживаниях величайшего горя и крайнего унижения. Он претерпел их без ненависти, стараясь сохранять честь и достоинство. И это вызывает уважение. Тот, кто мог жить после Освенцима и Дахау, демонстрируя такое чувство юмора, самокритично стремясь к пониманию сущности человека, мог обращаться к клиенту со словами, которые выделялись на фоне широко распространенных жажды мелочного возмездия и боязни заглянуть за горизонт. Такая позиция пробуждала любопытство, хотелось знать больше о том, какие смыслы, цели, опыт преодоления и исполнения дают возможность так говорить этому проверенному горем человеку. Мы видели точку зрения, которая эмпирически была проверена на прочность и не могла быть разрушена страданием.

Мы знали его как высокообразованного, остроумного и точного мыслителя, знатока философии, антропологии, психологии и медицины, опытного психиатра, исследователя в психотерапии, демонстрировавшего вызывавшее уважение величие ума.

Он был человеком, готовым прийти на помощь. Как рассказчик он был занимателен, остроумен, любил шутки и ценил хороший анекдот, но в тоже время очень рационально подходил к беседе и оставался верен своей цели. Ему было неприятно небрежное использование понятий, он любил отточенные формулировки и ясность смысла.

Франкл всегда почтительно относился к простому человеку и сам вел простую и скромную жизнь, которая полностью была посвящена работе. В глубине души этот умный, блестящий оратор и рассказчик был робким человеком, избегавшим общества, личных встреч и критики. Иногда он страдал от этой не совсем добровольной изоляции, которая с другой стороны, давала ему условия для осуществления обширных рабочих планов. По существу, Франкл был борцом-одиночкой, не приспособленным для коллективной работы.

Я знал Франкла как в высшей степени религиозного человека. Хотя он не был христианином, но его идеи были во многом близки христианскому образу мыслей. Он оставался в еврейской вере из уважения к традиции его родителей и праздновал самые важные еврейские праздники и день своего освобождения из концлагеря, который отмечал как постный день.

Виктор Франкл, как человек, опиравшийся на духовные ценности, отстаивал интерес к человеческому духу, который был важен

для него в первую очередь в глобальных вопросах преодоления горя и поиска смысла существования.

Его любви к высотам духа соответствовала и его любовь к высотам гор и скал, которые он покорял, страстно преодолевая собственную нерешительность.

Вопросы смысла занимали его с ранних лет. Как врач он не ограничивался лечением психиатрических симптомов у пациентов, он считал человеческим долгом каждого врача заниматься "медицинской духовной помощью", о чем написал книгу еще в конце 30-х годов, и в этом смысле он был предшественником введения психологии и психотерапии в клиническую практику. Для Франкла речь шла прежде всего о помощи в решении жизненных проблем, противостояния нигилизму, о помощи человеку, переживающему пустоту и отчаяние, что сближало его с христианским подходом.

Антропология Франкла представляет человека как проникнутого стремлением к смыслу, в котором тот находит соответствующее его сущности исполнение, что становится возможным, благодаря двум главным духовным способностям: самодистанцированию (за счет которого человек сможет обходиться с самим собой) и самотрансцендентности (что дает возможность посвящать себя другому человеку или делу). Однако, как личность человек, в конечном счете, остается тайной. Это глубокое уважение к чести личности, ее совести и ее смыслу, которым она живет, отличает экзистенциальный анализ и логотерапию. При этом Франкл не приукрашивает человека: "С Освенцима мы знаем, на что человек способен. И с Хиросимы мы знаем, что стоит на карте."

С той же четкостью, с которой он говорит о свободе, ответственности и смысле существования, он описывает трагичность ограниченности сил, горя, долга и смерти в жизни каждого человека. Но он не пытался объяснять тайну человека с помощью категоризаций или редукции к психическим механизмам. В этом он чувствовал покорность, и стоял как верующий человек стоит перед тайной его Бога.

Подводя итог его многообразной, наполненной трудом и смыслом жизни, которая представляет собой целую эпоху в развитии науки и человечности, мы хотели бы высказать благодарность за бесценное наследие. Опыт Франкла и его идеи по-новому воспринимаются в новых условиях и дают почву для расширения и углубления исканий. И это будет лучшей возможностью отдать должное его жизни и тем вечным мыслям, которые мы читаем в его произведениях.

Для нас Виктор Франкл - образец любви к человеку, стремления к проникновению в его сущность, символ смысла в жизни " вопреки всему", личность демонстрирующая " безусловность человеческого бытия ".

Alfried Längle
Председатель GLE